

— Родиться с духовным телом, но без духовных костей... С такой участью долго не живут, — слепец степенно сидел, спрятав руки в широкие рукава темного халата. — Твоя жизнь держится лишь на редчайших земных сокровищах, которыми тебя пичкали с самого детства. Чтобы поддерживать циркуляцию духовной энергии, тебе необходимо принимать по три Пилюли Укрепления Духа ежедневно. Иначе меридианы забиваются, а каждый приступ приносит такую боль, словно плоть режут живьём. Сколько же ты обходился без лекарств, раз довёл себя до такого состояния?

Он весь укутался в темные одежды, отчего открытая половина его лица казалась мертвенно-бледной. Черты его, однако, отличались поразительным изяществом. Когда на губах слепца играла легкая улыбка, в его облике проступало нечто божественное — неуловимое и призрачное, но куда более живое, чем у каменных изваяний на храмовых алтарях.

Словом, внешнеостью он действительно выдался на славу, полностью оправдывая то восторженное «красавец», которым его окрестил Чэн Си.

"Пилюли Укрепления Духа?"

Чэн Си нахмурился. Напрягая память, он вспомнил, что прежний владелец тела действительно поглощал снадобья в немыслимых количествах — горстями на завтрак, обед и ужин, да еще и перед сном закидывал целую пригоршню, набивая желудок до отвала. Но после того как на гору Южного Склона напали, они с Жун Ином несколько недель провели в непрерывном бегстве. Им едва удавалось раздобыть хоть какую-то еду, чтобы не умереть с голоду, где уж тут было искать редкие лекарства.

— Полмесяца, — раздался сзади холодный голос Жун Ина. — Все эти полмесяца он питался только обычной пищей. Его ещё можно спасти?

— Спасти-то не проблема, — слепец повернулся на звук голоса и протянул руку, красноречиво потерев пальцами. — Плати — и дело в шляпе.

Будь у Жун Ина хоть грош за душой, это стало бы настоящим чудом. Однако юноша, обычно не отличавшийся терпением и кротостью, на сей раз даже не попытался применить силу. Вместо этого он угрюмо, но честно признался:

— У меня нет денег.

— Что ж, тогда договоримся по-другому, — слепец выудил из рукава амулет-листок и покачал им перед собой. — Триста защитных талисманов и сопровождение в Город Северного Солнца. Выполнишь это — и я поставлю твоего приятеля на ноги.

— Триста — слишком много, за день мне столько не успеть, — без тени эмоций на лице принялся торговаться Жун Ин. — Две сотни — мой предел. В Город Северного Солнца я с тобой войду, но во внутренние кварталы соваться не стану. Понимаю, что тебе нужно кого-то спасти,

но рассчитывай силы. Врата Преисподней открылись миру, и двум бродячим практикам этот кошмар не остановить.

— Идет, по рукам, — слепец пошарил в бездонных рукавах, извлек две увесистые стопки желтой бумаги, а следом достал из запячного узелка тушь, кисть и коробочку с кинноварью. Сгрузив всё это перед Жун Ином, он добавил тоном строгого наставника: — Сдачи не возвращаю, за недостачу спрошу по полной. Рисуи сколько сможешь. А о твоём малом я сегодня позабочусь.

В неверном свете масляной лампы Жун Ин с мрачным видом принял принадлежности и принялся за работу. Его отчаянная, стремительная манера водить кистью живо напоминала бедного студента, пытающегося в последнюю ночь перед дедлайном дописать курсовую. Чэн Си едва сдержал улыбку, собираясь подразнить его, но тут же получил легкий щелчок по лбу от слепца.

— Чему радуешься? Жар совсем голову помутит? Тебе разве не больно?

— Терпимо, — улыбнулся Чэн Си, сощулив глаза. — Не так уж сильно и болит.

Он действительно обладал поразительно высоким болевым порогом. В детстве он, как и все, плакал от малейшей царапины, но в старших классах угодил в страшную аварию и три месяца пролежал в реанимации. Очнувшись, он обнаружил, что боль словно притупилась — мелкие ушибы и порезы он попросту перестал замечать, что здорово облегчало жизнь. Чэн Си и подумать не мог, что эта особенность перенесется вместе с ним в другой мир.

Слепец коснулся его лба прохладной ладонью. На его бледном лице отразилось недоумение. В конце концов он списал всё на то, что изнеженный молодой господин из великого клана, перенес страшные бедствия, перековал свой характер и обрел нечеловеческую стойкость. Одарив юношу сочувственным взглядом, он вложил ему в рот прозрачную круглую пиллюлю.

— Пойду погрею воду. А ты пока прими это, полегчает.

На языке разлилась приятная сладость. Чэн Си слегка прикусил пиллюлю и удивленно округлил глаза: лекарство оказалось с отчетливым вкусом спелого апельсина. Оно мгновенно растаяло во рту, разливаясь по телу мягким теплом. Пронзительная, изнуряющая боль в суставах и меридианах действительно начала отступать.

— Спасибо, — Чэн Си пошевелил затекшими пальцами и, опираясь на жесткие доски кровати, кое-как уселся. — Могу я узнать ваше имя, господин?

— Зови меня просто Ли Цзин, — слепец поддел носком сапога связку сухих веток и повернул

голову в его сторону. — Я лишь бродячий лекарь, не стоит величать меня господином.

Они укрылись в полузаброшенном храме, примостившемся на вершине небольшого холма на подступах к Городу Северного Солнца. Обитель была совсем крошечной — всего один дворик да молельный зал. Судя по толстому слою пыли на статуях божеств, люди не заглядывали сюда уже несколько месяцев, а куда подевались здешние послушники, оставалось только гадать. Жертвенная утварь и курильницы сиротливо жалась у подножия главного изваяния, а сам алтарный стол безжалостно конфисковал Жун Ин. Завалив его стопками желтой бумаги, юноша с лихорадочной скоростью выводил кистью сложные узоры.

Чэн Си лежал на грубо сколоченном топчане, который Ли Цзин, по всей видимости, соорудил самолично. Доски покоились на стопках из четырех кирпичей и при малейшем движении жалобно поскрипывали из-за неровного пола. Тем не менее постель была застелена на удивление добротным шелковым одеялом, подбитым мягким и теплым пухом. Взглянув на свои грязные лохмотья, Чэн Си устыдился и попытался тихонько сползти с постели, чтобы пересесть куда-нибудь еще.

— Лежи, — раздался из угла резкий голос Жун Ина. Юноша даже не поднял взгляда от работы, но словно затылком почуял его маневр. — Я отработал каждую монету этой платы. Тебе незачем беречь чужое одеяло.

Чэн Си не послушался. Глядя на сосредоточенное, смягченное неверным светом пламени лицо Жун Ина, он, покачиваясь от слабости, подошел к нему со спины и тихонько прислонился горячим лбом к его лопаткам.

— Спасибо, — прошептал он.

Изначально Жун Ин планировал обойти Город Северного Солнца стороной. Если бы Чэн Си не заикнулся о том, что мечтает о нормальной домашней еде, они бы и близко к нему не подошли. Но теперь из-за его внезапной болезни Жун Ину пришлось не просто задержаться здесь, но и пойти на смертельный риск ради спасения его жизни. Чэн Си чувствовал за собой огромную вину.

Кончик кисти Жун Ина на секунду замер. Он посмотрел на испорченный амулет. Сквозь ткань халата он отчетливо ощущал жар чужого лба — мягкое, беззащитное тепло этого робкого объятия. Жун Ин молчал очень долго. Наконец он обернулся и с напускной свирепостью прорычал:

— Не мешайся под рукой! Видишь — из-за тебя всю бумагу перевел!

Недолго думая, он бесцеремонно схватил Чэн Си за шиворот, выставил на задний двор и со спокойной совестью сдал с рук на руки Ли Цзиню.

— Какая трогательная братская любовь, — протянул Ли Цзин.

Он сидел во внутреннем дворике и яростно обмахивал веером очаг под огромным чаном, поверх которого была водружена деревянная бочка. Растопщик из него, впрочем, был никудышный: во все стороны валили клубы едкого черного дыма, а пламя так и не разгоралось.

— Мы остались одни в целом свете, так что деваться нам некуда, — Чэн Си присел рядом и ловко поворошил угли, заставляя огонь вспыхнуть.

— Сбежали из Округа Небесного Равновесия? — поинтересовался слепец, присаживаясь рядышком.

— Что-то вроде того... — уклончиво ответил Чэн Си.

— Нелегко вам пришлось, — вздохнул Ли Цзин. — Тьма наступает, праведный путь слабеет. В той бойне полегло столько великих и малых кланов... Чудо, что вы вообще добрались сюда живыми. И к какой же секте вы принадлежали?

Чэн Си похолодел.

"Да откуда мне знать, какие там были секты?! Что врать-то?!"

Жун Ин, оставшийся в комнате, уловил волну чужой паники через ментальную связь. Его рука дрогнула, кисть снова соскользнула, безвозвратно испортив очередной лист. Юноше до смерти захотелось запустить в этого недотепу тяжелой чернильницей.

Чэн Си тем временем соорудил скорбную мину и, опустив голову, тихо шмыгнул носом:

— Я бы не хотел ворошить прошлое. Наш клан был совсем крошечным, и теперь от него не осталось и следа... Праведные ордена не сумели сдержать демоническую орду, мы все кругом виноваты перед Девятью Областями. Нам с братом просто стыдно являться на глаза Союзу Бессмертных. Ни имена наши, ни прежнее положение больше не имеют значения — всё это развеялось как дым.

Ли Цзин проникся его рассказом и сочувственно вздохнул, похлопав юношу по голове.

— Прошлое нужно отпускать. Когда закончите здесь дела, уезжайте с братом в Таньчжоу. Жизнь там небогатая, зато люди простые и миролюбивые — не пропадете.

— Спасибо за совет, — Чэн Си утер воображаемые слезы.

"Да если Жун Ин сохранит мне жизнь, я согласен хоть на край света бежать, хоть картошку в вечной мерзлоте выращивать!" — мысленно хмыкнул он.

Вода быстро нагрелась. Ли Цзин велел Чэн Си хорошенько отмыться, а сам отправился в дом за снадобьями. Оказавшись в горячей воде, Чэн Си едва не застонал от блаженства. Он тщательно смыл дорожную грязь, распутал и промыл длинные пряди волос. Спустя полчаса замурзанный оборванец превратился в чистенького белого колобка, отмочающего в чане. Ли Цзин бесцеремонно «выудил» его оттуда, сменил воду, набросал в котел пахучих трав и велел залезать обратно. Огонь под котлом разгорелся не на шутку, и Чэн Си, высунув нос наружу, почувствовал себя изысканным блюдом, которое медленно томят на пару.

— Прекрасный лекарь, ты что, решил сварить меня и съесть? — спросил Чэн Си, чувствуя, что от жара у него плавают мысли.

— Именно так. Сладкий рисовый колобок на пару, — невозмутимо отозвался Ли Цзин, подбрасывая дрова. — Через часок достану, обваляю в тростниковом сахаре и соевой пудре — отличное средство для продления жизни и мгновенного роста духовных сил.

Над котлом клубился густой белый пар, смешиваясь с горьковатым ароматом целебных трав. Слепец уселся на низкую скамеечку и, насадив на деревянную палочку пресную пшеничную пампушку — ту самую, что Чэн Си купил днем, — принялся неторопливо поджаривать ее на огне.

Чэн Си высунул голову из бочки и присмотрелся.

— Что-то она мне смутно напоминает...

Ли Цзин перевернул пампушку другим боком.

— Твоя и есть. Проголодался?

— Немного, — признался юноша, бессильно повиснув на краю бочки.

Слепец с хрустом откусил румяную корочку.

— Я знаю. Поэтому и ем прямо у тебя на глазах. Не стесняйся, просто представь, будто это ты сейчас жуешь.

Чэн Си лишился дара речи.

Впрочем, вскоре ему стало не до шуток. Боль вернулась. Но если прежде это была глухая, ноющая ломота в глубине костей, то теперь казалось, будто тысячи раскаленных игл

одновременно вонзились в его плоть, прошивая тело изнутри наружу. Он невольно застонал.

Ли Цзин поднял голову.

— Больно? Если совсем невмоготу, можешь поплакать.

Чэн Си промолчал. Почему-то ему показалось, что слепец едва сдерживает смех, хоть его лицо и оставалось абсолютно бесстрастным. Сил сопротивляться не осталось. Ткнувшись лбом в край бочки, Чэн Си едва слышно выдохнул:

— Нормально... Терпимо.

Прохладные пальцы коснулись его взмокших волос, и в рот юноше опустилась еще одна конфета — на этот раз с мягким вкусом персика. Увы, во рту так сильно горчило от травяного отвара, что сладость почти не чувствовалась. Пытаясь отвлечься от мучений, он вздохнул:

— Прекрасный лекарь, а ты не мог бы мне что-нибудь сыграть?

— Пять монет за мелодию, — безжалостно отчеканил Ли Цзин.

— У меня нет ни гроша...

— Запишем в долг.

Слепец поднялся и пошел за эрху.

У него были удивительно красивые руки — тонкие, изящные пальцы походили на искусную резьбу по белому нефриту. Сам он тоже был необычайно хорош собой. Возраст его угадать не представлялось возможным, но в его облике странным образом сочетались холодная отстраненность и мягкое великодушие. Он напоминал полную луну в полночном небе — сияющую, величественную и безмятежную.

Ли Цзин прижал смычок к струнам. Из-под его пальцев полилась на удивление живая, светлая мелодия — редкий гость для традиционно заунывной эрху. Музыка дышала весенним ветром, кружащим лепестки дикого персика, и журчанием чистых горных ручьев. Чэн Си расслабился в горячей воде. Боль накатывала приливными волнами по мере того, как целебная сила проникала в меридианы, но вместе с тем застарелый недуг капля за каплей уходил из его тела, словно из костей вытягивали тонкие невидимые нити.

Пропарившись в целебном отваре добрую половину ночи, убаюканный нежной игрой, юноша незаметно для себя уснул, уронив голову на деревянный край бочки.

Он спал без сновидений и открыл глаза лишь под вечер следующего дня. Лихорадка полностью отступила. Переодевшись в чистое платье, Чэн Си растянулся на топчане, ощущая непривычную легкость во всем теле.

Жун Ин спал без задних ног, уронив голову на алтарный стол. Рядом высились две ровные, аккуратные стопки готовых талисманов — ровно две сотни штук. Ли Цзин стоял неподалеку и сосредоточенно пересчитывал их по одному.

— Проснулся? — уловив шорох, лекарь подошел к кровати и приложил ладонь к его лбу. — Жара нет. Но впредь забудь об обычной пище. Для твоего тела мирская еда — яд. Стоит съесть хоть кусочек, и меридианы тут же забиваются грязью, замучаешься потом лечить.

Он протянул Чэн Си маленький глиняный пузырек с узким горлышком.

— Держи. Это фруктовые леденцы. Одной штучки хватит, чтобы не чувствовать голода полмесяца.

— И... сколько я вам должен? — робко спросил Чэн Си.

— Нисколько. Считай это платой за ту пампушку.

Ли Цзин бережно завернул эрху в плотную ткань, убрал дорожный мешок и, взяв в руки бамбуковую трость, неторопливо подошел к спящему Жун Ину. Без лишних церемоний он отвесил юноше весомый подзатыльник:

— Подъем! Пора за дело!

Жун Ин резко вскинул голову. На его щеке отпечатался след от красной киновари, а под глазами залегли глубокие тени от недосыпа.

— Уже пора? — хрипло спросил он.

За дверью догорал багровый, похожий на лесной пожар закат.

Ли Цзин отсчитал ровно половину талисманов и протянул их юноше:

— Разделимся. Вы двое займетесь внешним кольцом города, я отправлюсь во внутреннее. Если твари прорвутся из центра — дерись, коли хватит сил. А если запахнет жареным, хватай брата и беги без оглядки.

Жун Ин нахмурился.

— Мой младший брат слишком слаб, а в Городе Северного Солнца сейчас творится черт знает что. Боюсь, в суматохе я не смогу уберечь его. Надежнее оставить его за пределами городских стен.

— И все же я советую взять его с собой, — Ли Цзин распахнул тяжелые храмовые двери, впуская внутрь прохладу сумерек. — Те, кто нам дорог, всегда должны быть перед глазами. Если не сможешь его защитить — значит, мало тренировался. В конце концов, лучше уж сгинуть вместе в самом пекле, чем прятаться в стороне, пока твой близкий умирает где-то в неизвестности, а после всю оставшуюся жизнь исходить горькими слезами.

<http://bllate.org/book/18408/1799566>